

ИЗАН Чернецкий

ГЛОСА ПРИЗРАКОВ

Иван Чернецкий
Голоса Призраков

«Издательские решения»

Чернецкий И.

Голоса Призраков / И. Чернецкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966783-0

Я думаю, что стоит начать со снов, которые я вижу в течение трёх лет. Эти сны загадочны. В них люди называют меня другим именем и просят вернуться. Я словно проживаю чужую жизнь... Что ж, я должен начать именно с этого — ни с промежутка раньше, ни позже. В этой истории таится нечто ужасное, но я должен изложить всё по порядку...

ISBN 978-5-44-966783-0

© Чернецкий И.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Голоса Призраков

Иван Чернецкий

© Иван Чернецкий, 2019

ISBN 978-5-4496-6783-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



Пролог

«Сегодня Лари пришёл из школы с фингалом. Он агрессивен в последнее время. Я уже и не знаю, что сказать ему, чтобы он перестал психовать по поводу того, что говорят другие дети. Наверное, ты бы нашёл правильные слова... Ещё он вытворяет всякие странности. Недавно поймал какого-то шершня в банку и заявил, что эта букашка является пожарником у себя на родине. Я дала ему энциклопедию и сказала, чтобы он посмотрел, как выглядит жук-пожарник, а как *шершень*. Лари ответил, что и так знает всё на свете, и никакие «педии» ему не нужны. Эх, ребёнок... Что с него взять.

Мама говорит, что все бессмысленно – мои визиты ничего не дают. «София, пора думать о содержании ребёнка», «София, ты не можешь всю жизнь быть вдовой». А я ей каждый раз отвечаю, что Томас Эдисон в своё время собрал тысячу лампочек, прежде чем одна из них загорелась. Ты для меня как лампочка, как идея её создания, которой я одержима. Может, я делаю это больше ради себя, чем для тебя, и, может, это эгоистично – постоянно думать о тебе... Но иначе у меня не получается. Я не из тех, кто сдаётся, сделав один шаг. Я готова пройти весь путь, даже если в конце него будет холодная обветшавшая стена. Хотя наверное я все ещё надеюсь на чудо.

Приходил твой старый учитель, Константин Стрелецкий. Да, он приехал ради тебя в город. Он сильно расстроился, когда узнал, что ты в ближайшее время не вернёшься. В общем, теперь и он беспокоится. Я знаю, что у вас с ним были особые отношения, и знаю, что ты бы не хотел беспокоить его нашими проблемами. На самом деле зря, потому что он отнёсся к ситуации с пониманием, и, быть может, ещё раз приедет позже.

Меня убивает мысль о том, что тебя больше нет, поэтому я гоню её прочь. Я что, дура... Нет, я просто любящая жена, готовая ждать и верить. Что ты милый, я никогда не забуду, как ты обещал увезти меня из этого города...»

Я думаю, что стоит начать со снов, которые я периодически видел в течение трёх лет. Эти... Сны... Они имеют гораздо больше значения, чем может показаться на первый взгляд. В них со мной говорили люди, называя своим родственником. Я проживал в них не свою роль, а другого человека, который по неизвестной мне на тот момент причине не мог воссоединиться со своей семьёй. Я должен начать именно с этого – ни с событий раньше (я всё равно их не помню), ни позже. В этой истории таится что-то ужасное. Я испытал самые острые ощущения, пройдя весь этот путь. Вам же ещё только предстоит узнать, что со мной произошло...

Глава 1

Судьба свела нас с Илларионом в шестнадцатом году цифрового века. Я помню этого парня, ещё без бороды и этих жёстких нравственных принципов. Он вошёл в бар и так мило улыбнулся хозяину, что мне аж противно стало. Вы представляете, это уже потом я был готов кинуться за ним в огонь и воду, но поначалу мы друг друга невзлюбили.

– Омлет и брусничный пирог, пожалуйста, – сказал неженка.

Я не хотел говорить ему обидных слов, но всё вышло само собой.

– Опять не заказываешь мясо? – сказал я. – Откуда у тебя такая форма? Только не говори, что от природы. Знаю я вашу природу-мать. Ты извини, конечно, может я и не прав.

Я не хотел прикапываться, а наверное просто устал от этих вечно недовольных лиц в «Старухе в блеске» (где, собственно, и протекала моя «жизнь» последние года три). И вот вдруг довелось встретить человека, у которого шарики за ролики. Прямо как у меня. Не так, как это бывает у шизиков: просто задом наперед, – нет, Лари старался судить обо всем объективно, от чего и выглядел таким безумным. Однако я не могу утверждать, что это то же самое безумие, какое вы встречали, потому что у Иллариона была какая-то особая энергетика. Её, кстати, не хватало Воландеморту из «Гарри Поттера», или Алексу из «Заводного апельсина», или любому другому «отрицательному» герою. Посему я и определил для себя тогда, что Илларион – это человек исключительно «положительный».

– Вам не за что извиняться, друг мой, – ответил Лари.

Разумеется, в тот момент я подумал, что предо мной сидит робкий малый, который не способен постоять за себя. Может, так оно и было, и я просто переоцениваю характер этого невыносимого скептика, но без него в моей голове вряд ли бы что-то «переклинило».

– Конечно, не за что. Ещё бы я перед кем-то извинялся.

– Я и не требую извинений. Друг, ты сам предложил их мне, за что я благодарен. Но мне нет до них дела, потому что прощения за свои поступки мы должны просить у Создателя.

– Чё?

– Что?

– Думаешь, я тут сижу расклеенный и синий, и не понимаю этих твоих хитросплетений? Я здесь главный умник, чтоб ты знал.

– Это точно, – сказал старик Фрол. Хозяин бара повернулся из-за стойки и поставил у меня под носом стакан, который спустя мгновение наполнило «Четыре света».

– Если твои интеллектуальные способности в порядке и превосходят всех остальных даже под воздействием холодного алкоголя, то это прекрасно.

Фрол засмеялся, а я всерьёз задумался. Я не смогу передать это чувство, но в тот момент Илларион вызвал у меня желание бросить кружку на пол (Фрол, дружище, я надеюсь, ты не подумаешь плохого).

– Ты меня отсталым назвал, сосунок! – сказал я.

Моя рука вцепилась в шиворот худощавого парня с длинными волосами. Илларион посмотрел на мой локоть, и я почувствовал, как запястье попало в крепкие тески. Несмотря на то, что я рассчитывал на агрессию, парень оказался не таким хилым, каким я его представлял. Он столь сильно сжал мою руку, что я не нашёл повода и дальше докучать недотроге.

– Не нужно, – сказал Илларион. – Здесь сидят дамы.

Дамы... Дамы, мать его за ногу. Человек, сидящий в баре под названием «Старуха в блеске», назвал местных кошёлоч дамами. Сколько же чести всегда было в Лари. Жалко, что кошёлочки этого не заслужили, и хорошо, что не слышали. Оставив мой сарказм в прошлом, я решил, что стоит угостить честного человека стоящим пойлом, то есть... алкоголем (я ведь

все-таки про святошу Лари, а не про троюродного зятя Фрола, что уснул за барной стойкой в блювотине во время своей же свадьбы).

– Во-о-о-от, а это уже свой человек, – ответил я. – Парень, с меня пиво. Ты смелый, но все равно не угрожай мне больше. Фрол, будь другом, налей по стакану «Четыре света» мне и этому парню, как там тебя... Лариону, – говорил я, всё ещё пытаюсь прийти в себя.

– Моё имя Илларион.

– А я что сказал? Я ж не первый день тебя вижу. А ты спорил, что не я здесь самый умный. Я похлопал Лари по плечу, и от этого стало легче скорее мне, чем ему.

– Ты внимательнее меня, потому что я твоего имени не знаю, – сказал парень.

– Ролан.

– Так вот, Ролан, лучше бы ты знал, что я не пью.

Не знаю, совру ли, если буду утверждать, что смеялся в тот момент около десяти минут без передыху. Пожалуй, это действительно вранье, потому что на самом деле я потом глотнул пива и смеялся ещё столько же.

– А нахрена ты, собственно, в бар пришёл? Омлет заказывать? Гастрит хочешь?

– Знаешь Ролан, мне просто нравится, как здесь готовят омлет.

– А что тебе ещё нравится, Пигмилион?

– Чувство юмора завсегдатаев, – ответил парень.

За барной стойкой я услышал хрип, перерастающий в смех. Фрол наконец не сумел напрягать живот и рассмеялся во весь голос так, что изо рта у него вот-вот должны были посыпаться зубы. Я замер в ожидании этого события. Смотрел то на Иллариона с каменным лицом, то на Фрола, который старался удержать трясущийся живот на месте. Смотрел и пытался понять, плакать мне или смеяться.

– Но к тебе это не относится, – добавил Лари.

Фрола прорвало, словно нефтяную скважину в огороде господина президента. Даже бесчувственный Илларион уже едва сдерживал улыбку.

– Хорошо, что ты не пьёшь. Потому что я бы тебе не налил на месте Ролана, – сказал Фрол.

Я отвернулся от парня. В тот раз я обиделся сам на себя, и никакой алкоголь не смог загубить печаль.

Где-то в полночь Илларион собрался уходить из бара, оставил на прилавке три сотни рублей и вышел на мокрую дорогу, завернув омлет и брусничный пирог с собой. Он никогда не ел в баре, а просто сидел какое-то время и молился над едой. Когда была возможность, разговаривал со мной или Фролом, а потом вставал и уходил с набитым кулком.

Я был на удивление трезв и в то же время разбит. Как это связано – понятия не имею, вам должно пригодиться. Я тоже вышел на улицу, но решил не уходить далеко от водопоя. Остановившись через дорогу от бара, я погрузился в полумрак в ожидании случайного прохожего, который мог бы подкурить. Как по щелчку пальцев из-за угла вышел мужчина в пальто и направился в сторону «Старухи». Я подумал, что это Лари вернулся за добавкой.

– Уважаемый господин прохожий, не найдётся ли сигаретки или вы ещё и не курите? – сказал я.

Мужчина обернулся и остановился под мелким дождём.

– Ролан? Это ты, пёс?

– А ты откуда меня знаешь?

Незнакомец заступил на фонарный свет, и я вспомнил свой несчастный долг, который взял пару-тройку недель назад у одного вредного мужика с надменным именем Султан.

– Где мои деньги, скот?

– А-а-а-а, Султанчик, это ты? Как семья? Как дети? Как твоя тёща? Все ещё живёт у вас?

- Я закопал эту суку в огороде. И тебя закопаю, если не вернёшь деньги!
- Так я тебе не вернул их? А ты уверен? Просто помнится, что мы как-то встречались...
- Да, идиот! Мы встречались, когда ты занял мои деньги!
- Ну-ну-ну, Султан, что ты врёшь, – сказал я. – Стыдно что ли сознаться, что это тоже были не твои деньги?
- Слушай, ты либо возвращаешь десять тысяч прямо сейчас, либо я удваиваю долг.
- Слушай, я сейчас без денег, но они лежат у меня дома, так что приходи завтра в бар и я все принесу.
- Я должен эти деньги. Если не вернуть до конца недели, то меня накажут, – сказал Султан.
- Как понимать? – ответил я.
- Не-е-ет, ты умеешь из себя дурочку строить. Но я знаю твой манеру увиливать.
- Султан, дорогой мой нерусский кусок счастья, ты думаешь, я сейчас в таком положении, чтобы врать?
- Я думать, что ты пёс! Только и можешь, что придумывать отговорки!
- Я тоже тебя люблю, мой лысенький, но не совсем понимаю, что ты там говоришь. Денег с собой правда нет.
- Как нет!? А когда есть!?
- Я знал, что Султан умеет тявкать, но на слона он бы не полез.
- Какое-то непонятное мычание донеслось из-за угла, откуда минутой ранее вышел Султан. Теперь там показались двое высоких мужчин в кожаных куртках. Конечно же они должны были появиться там в самый подходящий момент, иначе стал бы я тратить время на эту историю.
- О, Гарик, Мариус! Вы где ходите? У нас тут Ролан хвост поджал.
- Где? – сказал один из громил.
- Какой Ролан? – спросил второй.
- Да вот же он, Мариус. Ты что, не помнишь Ролана? Он же твою Неллю за ляшки щекотал.
- Слышь, Ролан, я тебя вспомнил! Где деньги, чёрт!? – теперь амбалы стояли рядом с миниатюрным Султаном, нагнетая всё больше и больше. Я уже чувствовал, как на этой тесной улице начал заканчиваться воздух.
- Ребята, вы что, мне угрожаете?
- Ну что ты такое говоришь, Орландо, – сказал Султан. – Мы тебе оказываем услугу.
- Ну что вы, господа! Не стоит. Я человек самостоятельный.
- А мы тебе поможем принять решение, – троица порядочных парней начала приближаться. – Смотри, какой есть альтернативы: тебя находят в лесу через неделю, подвешенный за ноги и без одежда. Второе: ты даёшь мои деньги, и мы не трогаем твой лицо.
- Парни, вы же понимаете, что это даже не вымогательство. Вам не важно, есть у меня деньги или нет – в любом случае в конкретную секунду с собой у меня их нет. А это значит, что независимо от того, будет ли выплачен долг, вы сейчас примените силу. Но зачем? Ведь с собой денег у меня правда нет, иначе стал бы я просить сигаретку?
- Лучше бы я бросил курить, потому что, как оказалось, курение правда убивает, причём не так очевидно.
- Ну, знаешь, Ролан, в этом есть разница. Если мы тебя сейчас не проучим, ты так и будешь обманывать и не вернуть долг, а мне потом за тебя башку оторвут, – сказал Султан. Я ненавидел каждое его слово в тот момент.

Я позволял бить себя чуть ли не десять минут. Когда я понял, что перестал чувствовать некоторые части тела, мне пришлось завершить «потасовку».

– Султан... Как же ты сумел уложить свою тещу такими хилыми ударами?

Нерусский бандит остановил своих напарников энтузиастов, которые били так, словно в меня каждую секунду врезался легковой автомобиль. Султан подошёл ко мне, стоящему на четвереньках, поднял за волосы и пришёл в ярость, когда увидел кровавую ухмылку. Он хорошо так приложился ступнёй по спине. Я упал на живот и застонал от удовольствия. Султан плюнул, и промахнулся (мне так показалось, что он хотел попасть в затылок).

– Ты меня понял, Роланд. Двадцать тысяч, ни копейкой меньше. Парни, а ну-ка в бар. Мой горло просит водка.

Наступила тишина, в которой я, наконец, мог отдохнуть, отдышаться и подумать о жизни. Я давно искал предлог, под которым можно было упасть на тротуар и глядеть на звезды. Потешить самого себя, поплакать в собственную жилетку, почти захлебнувшись соплями, это часть моей тогдашней разбитой жизни. В какой-то момент я понял, что грозные ребята захотят выйти покурить и продолжить избиение должника. Я, конечно же, был не против, но смерть и самоистязание – это вещи противоположные. А я хотел как можно дольше терзать себя, и прожить таким образом ещё не один год.

Я подкрался к стене, у которой полчаса назад пытался стрельнуть сигарету, схватился за теплые кирпичи и встал на ноги. В тот момент бурные авации раздались в голове, среди которых я мог слышать крики: «он выжил!», «похоже, мы еще увидим, как ему ломают кости!». Бока ужасно болели, колени дрожали, а уши закладывало после каждого проезжающего автомобиля – в общем, я был доволен. Вспоминаю то время с теплом, ведь мне всегда нравится чувствовать себя живым.

Я, прихрамывая, почти добрался до мусорного бака, что стоял прямо за углом от «Старухи в блеске». К нему направлялся какой-то силуэт, и я стал идти увереннее, почти не показывая, что ушиб половину конечностей (может, и сломал, ведь нельзя знать наверняка). Вот человек подошёл ближе, и я начал узнавать эти длинные волосы. Илларион нес чёрный пакет, в который обычно слетевшие с катушек жены прячут отрубленные хвостики своих мужей-изменщиков (да-да, я именно об этом, коллеги). Он поднял руку, прислонил её ко лбу, чтобы свет фонаря не мешал разглядеть встречного хромого бродягу.

– Роланд?

– Кого я вижу, – сказал я.

– Засиделся ты в баре.

Лари отправил «пакет с хвостиками» в почтовый ящик для мусоровозов, после чего остановился возле меня и взялся за подбородок, как это часто делают нормальные люди, когда хотят над чем-то подумать.

– Ты потрепан, – сказал он.

– Парень, ты великолепен. Я восхищен твоей догадливостью. Я восхитился ей ещё в баре. Извини, но мне нужно домой. Я неважно себя чувствую – надо приложить холодное пиво к языку.

– Можешь приложить тёплый красный чай, – сказал Илларион. – И запить им же обезболивающее.

– Чего?

– У меня квартира в соседнем доме. Тебе нужно к врачу, но, я так понимаю, ты на это не согласишься. Так что позволь хотя бы мне оказать помощь. В первую очередь медицинскую, а во вторую – духовную.

Моё жилище находилось в паре километров от «Старухи в блеске». Дом Лари был через дорогу. Я прикинул, какова вероятность добраться до собственной квартиры, не свалившись окончательно где-то на середине пути – шансов было поровну и в ту и в другую сторону.

– Ладно, но не жди, что я стану спать с тобой в обнимку. Я нормальный в природном плане.

– Я тоже, – ответил Илларион.

Я протянул руку. Лари пожал её, и так зародилась наша дружба.

Мы поднялись на второй этаж, но прежде чем войти, Лари сказал шёпотом: «Тихо, не разбуди его. Как только войдём, положи куртку на полку и шагай за мной на кухню». Я покорно кивнул, и мы приступили к операции. Всё случилось так, как и сказал Илларион (разве что пол заскрипел пару раз, а это было не по плану). Я пробрался в тёмное помещение, где мне в ноги сразу же упёрся стол. Пришлось отойти в сторону, но там я наткнулся на стул, и он заскользил по полу.

– Тише! Ролан, я же говорю, ты его разбудишь!

– Кого?

– Моего отца, который спит в гостиной.

– Чёрт, парень, а чего же ты сразу не сказал? Я бы не стал причинять тебе неудобства.

– Вот потому и не сказал.

Лари коснулся выключателя. Лампы вспыхнули, но амфитеатр не принялся аплодировать. Я осмотрел маленькую кухню, которую переполняли иконы и восковые свечи. На столе было прибрано, а в мойке лежала гора посуды. Холодильник трещал так, что приходилось выжидать момент для шёпота. Только люстра с вентилятором насильно не вынуждала меня отвлекаться, да и то я иногда поглядывал на неё (слишком плавно она крутила свои лопасти).

Парень направился к древнему гарнитуру, в один шаг пройдя всю кухню. Он приоткрыл дверцу навесного шкафа, где лежала гора восковых свеч. Когда Лари дотянулся до маленькой коробочки, он тут же закрыл шкафчик, а в меня хлынула волна парафинового аромата. Картонный короб приземлился на стол, и Илларион смахнул с него крышку. Внутри оказались шприцы и таблетки.

– Держи вот, выпей.

– Это? Что ты мне дал?

– Простое обезболивающее. Не беспокойся, мы не держим в доме сильнодействующих препаратов.

Лари поставил передо мной стакан с водой и ещё раз залез в коробку. Пока я проглатывал таблетку, парень порвал упаковку с пластырем. Он заслонил собой люстру, когда протянул мне наклейку.

– А это зачем?

– У тебя на лбу глубокая ссадина.

– А, херня.

– Во-первых, не выражаться в моём доме. Во-вторых, не строить из себя бессмертного. Мы все из крови и плоти, ведь таков замысел божий, но Господь не хотел бы, чтобы в наш организм проникали чужеродные бактерии, поэтому будь любезен – закрой свой парадный вход для микробов.

Я нахмурился и прислушался к совету доктора Бёрка, а когда почувствовал действие обезболивающего, сел ровнее. Илларион подошёл к мойке и принялся намыливать тарелки.

– Ты голоден? Я могу предложить разве что остатки омлета и брусничного пирога. Отец сегодня совсем потерял аппетит, я бы не хотел выкидывать еду.

– Извини, но я не хочу есть, потому что у меня, кажется, онемел желудок.

– Ничего, это бывает от тех таблеток, что я тебе дал. Утром всё пройдет.

– Да уж. Главное, что башка не трещит, – ответил я.

Когда Лари вытер посуду, мы открыли кухонную дверь и вновь стали вести себя тихо. Я стремился как можно медленнее передвигать ногами по полу, где каждый неверный шаг стоил очень дорого. Почти без скрипа мы добрались до другого конца квартиры (преодолели

три метра), где нас ждала очередная дверь. Только Илларион взялся за ручку, как из гостиной послышался чей-то голос.

– Илларион, всё в порядке?

Лари посмотрел на меня и направился в комнату к отцу. Я не последовал за ним, а стал прислушиваться за стенкой.

– Отец, почему ты не спишь? Как ты себя чувствуешь?

– Я не сплю всю ночь, и у меня болит голова. Но больше меня волнует то, что ты не познакомил меня со своим вежливым другом, который стоит в коридоре.

– Отец, его избили, и я не мог пройти мимо.

– Ты дал ему, всё, что было необходимо?

– Да, отец.

– Я надеюсь, ты не выгонишь его этой ночью?

– Нет, я постелю ему на полу в своей комнате.

– Возьми вот это покрывало. Пускай молодой человек укроется им, потому что сегодня первая холодная ночь в июне. Близится сезон дождей, природа начинает перестраиваться.

– Простите, – сказал я, войдя в гостиную, – но я бы не хотел причинять вам неудобства.

Я успел рассмотреть пожилого мужчину, лежащего на диване. У него было бледное лицо и седые волосы. На сухих щеках выступали едва заметные кровоподтёки, а глаза были красные, как ползучая малина.

Свет лампы со столика в основном падал на Иллариона с отцом, но ещё я обратил внимание на ковёр, висящий на стене. Господин Бёрк мог бы дотянуться до его ворса, подняв руку над спинкой дивана (я бы делал так каждую ночь перед сном).

– Отец, и правда, ты сам можешь замёрзнуть, – сказал Лари.

– Ничего не хочу слышать, Илларион. Возьми его и не ставь гостя в неловкое положение.

Господин Бёрк привстал, чтобы вытащить из под себя махровое покрывало. Под ним скрывалось худое туловище в пижаме, укутанное шерстяным одеялом. Когда я увидел это, совесть стала грызть меня на один зуб меньше. Лари принял у отца ткань и передал её мне.

– Отец, ты принимал лекарство?

– Да, мой мальчик, я пил этот яд и сегодня, – мужчина посмотрел на меня и усмехнулся.

– Хорошо. Тебе нужен отдых, так что мы не будем больше мешать.

Господин Бёрк слабо махнул рукой.

– Успеется. Представь мне своего честного и порядочного друга.

– Извините, что я такой бестактный! Моё имя Роланд, и... Мне теперь даже неловко, что я кажусь вам таким хорошим.

– Ну, что же, Орландо, Господь призывает любить себя, но при этом быть скромным. Вам стоит быть о себе лучшего мнения. Я слышал, как ответственно вы крадётесь. А ведь человека как раз так красят поступки.

– Спасибо вам за эти тёплые слова, – сказал я (Лари потом уверял, что я стоял перед ними краснеющий как помидор).

– А вот вид ваш оставляет желать лучшего, молодой человек. И в чью же войну вы ввязались? – спросил господин Бёрк старший.

– Я нравлюсь далеко не каждому.

– Отец, его избили неподалёку отсюда. Я нашёл его возле бара.

– Так значит, вы в нём и познакомились?

– Да, – ответил я.

Мужчина посмотрел на Иллариона и улыбнулся.

– Сынок, я же говорил, что ты не разочаруешься в людях в этом месте. Орландо, а вы пробовали брусничный пирог, что пекут в этом заведении?

– Не доводилось.

– Советую вам попробовать его, как будете проводить там время.

Отец Иллариона закашлялся на какое-то время, прислонив кулак ко рту. Когда приступ кончился, мужчина стал тяжело дышать, а я мог слышать, как хрипят его лёгкие.

– Ребята, вы простите меня старика, если я приму снотворное и покину вашу беседу?

– Конечно, отец, я сейчас принесу таблетки.

– Только одну, Ларион.

Лари поднялся с дивана и вернулся на кухню, где тот час раздался шум. Мужчина привстал в постели, и его измученные глаза посмотрели в мои не менее «мёртвые» очи.

– Вы такой одинокий человек в душе. Понимаете меня, Орландо? Я искренне желаю вам, чтобы вы нашли себе хорошего друга.

– Спасибо вам...

– Вы необычный человек – я вижу это по вашим зелёным глазам. Я всегда хотел встретиться с зеленоглазым человеком вживую, и вот мечта жизни осуществляется на её изломе... Орландо, могу я вас попросить?

– Да, о чём?

– Присмотрите за моим сыном, я прошу вас. Он такой же особенный, как и вы. Безусловно, я буду следить за ним на небесах, но Господь не позволит мне вмешаться в случай чего.

– Что вы, господин Бёрк...

– Зовите меня Адам, пожалуйста.

– Адам, я уверен, что вам отведён срок гораздо больший...

Меня прервал нервный хрип, который едва сумел перейти в смех.

– У Господа на этот счёт есть своё мнение, Орландо, и я сомневаюсь, что он прислушается к простым смертным вроде нас. Я надеюсь, что вы присмотрите за моим мальчиком, который совсем скоро останется один... – его вновь прервал кашель, но на этот раз остановить его сумел только Лари со стаканом воды.

Господин Бёрк принял снотворное и закрыл глаза, после того как пожелал нам доброй ночи. Он чем-то безумно напоминал мне меня самого. Это выглядело довольно странным, учитывая тот факт, что Адам Бёрк был старше меня лет на тридцать, а то и сорок. Наверное, это его зелёные глаза привели меня к подобным мыслям (всё же, нас таких в мире мало, и непроизвольно начинаешь чувствовать себя особенным и неповторимым).

Мы с Лари тихо вышли в коридор, погасив свет. На сей раз пол не скрипел, и дверь отворилась беззвучно. Лари зажёл свечу на тумбе возле входа в свою комнату, чтобы видеть, куда стелить матрас. Когда я сказал, что на кухне было много икон, я не взял во внимание спальню Лари, где их было вдвое больше. На кровати лежала библия, а на столике, где лучше бы смотрелся телевизор, стоял железный крест, прислонённый к стене. Той ночью к интерьеру добавился ещё и матрас.

Той ночью мы немного поговорили с Лари, несмотря на то, что я хотел поскорее закрыть глаза на десять часов.

– Я не знаю, как иной раз войти к нему в комнату, – сказал Илларион. – Боюсь, что не сумею разбудить его.

– Ты хороший сын, малец. И делаешь ты всё, что в твоих силах.

– А что с твоими родителями? – Лари поднял голову в кровати и уставился на пол, где лежал я.

– Они оставили меня. После того, как я подрос, их уже не было. Такое чувство, что их вообще не было.

– И как ты жил всё это время?

– Я не знаю. Впервые за этот год я задумался об этом.

– За год? Почему за год? – спросил Лари.

– Я приезжий. Приехал как раз год назад.

– Откуда?

– Не знаю. Я... Давно в дороге. Сложно сказать, что именно является моим домом.

– Дом – это то место, в которое ты всегда можешь вернуться, и тебе там будет хорошо, независимо от настроения, – сказал Илларион.

– Да? – ответил я. – Тогда мой дом – это какой-нибудь дворец. Что скажешь? Считаю, я в любом случае чувствовал бы себя хорошо, живя во дворце...

– Ладно, граф Роланд, надеюсь, у вас не будет сегодня жалоб на недостаточно пышную перину.

– Иди к чёрту, малец.

Когда мы стали смеяться, я потревожился, не разбудим ли мы отца Иллариона. Посему в доме вновь воцарилась тишина, ведь весь этот шум перешёл в мою голову. Я снова плыл по загадочной реке и слушал чей-то голос. Я снова был в чужой роли.

«Ну, вот и приехали, Иван. Допрыгался, так сказать. Ты всегда был такой шаловливый. Иной раз увидимся на даче – постоянно что-то чудишь. Там забил, туда залез. «Это всё, Валентина Валерьевна, от скуки я» – постоянно такую чепуху молот. А я тебе всегда отвечала: «Ванька, чего людей смешить!». И правда – чего смешить?

Ну сидели бы вы с отцом дома. Нет, надо было в Екатеринбург помчаться. Да Бог с ним, с этим кино. Этих фестивалей и к нам бы завезли. Да чего уж кости усопшему промывать... Ты весь в папу был, такой же любитель «режиссуры». Лучше бы на инженера пошёл, а то что это за профессия такая – на стуле сидеть? И денег-то за такую ерунду не платят совсем. Ну, что ж... Это раньше надо было мне ворчать, пока моя Софунка не вышла за тебя, дурака... Ой, Иван, скучно нам без тебя такого...

Вот вернёшься, тогда и загуляем. Я добрая буду, погостить разрешу, и даже ваших тварей привезти пушистых. Ты не переживай – Тимонка с Ханой здоровее тебя будут, зятёк. У Ханы тут и потомство намечается, а ты пропускаешь рождение своих щеночков.

А ещё к нам стал приезжать твой учитель, Стрельцов, кажется, или Стрелец... Константин в общем. Он ради визитов отложил поездку в Голливуд со своим учеником Двояковым. София сказала, что ты недолюбливаешь этого парня. Как же его звать-то... Женя, кажется... Так что вот, считай, хорошие новости. А ещё Константин так переживает за свою дочь – она общалась с каким-то маньяком, но это уже другая история. Стрелец жалуется, что Иллариончик растёт без отца. Он даже несколько сердится на тебя, потому что ты оставил семью. Ладно, он понимает, что тебе сейчас нелегко, и от этого, наверное, злится...

Я, к слову, чего тревожу-то. Забежала вот рассказать о последних событиях. Времени у нас у всех мало, сам понимаешь, поэтому излагаю так скомкано. Ты давай, возвращайся к нам, голубчик. Софунке одной тяжело на себе всю семью тащить. Что ты за мужчина такой, который всё на жёнушку сбрасывает. Давай-давай, мы ждали все уже доброго молодца на пороге. И сына ведь воспитывать надо. Он всё спрашивает: «Где папка мой?» – а мы ему толком-то и объяснить не можем. Того гляди, живя в неведении, перестанет быть таким хорошим мальчиком. Без отцовской дисциплины-то не сдержать будет. А ведь мальчишка и правда хороший, честный такой,

порядочный, про библию часто спрашивает. Не хотелось бы загубить детину в будущем.»

Глава 2

Мы по-прежнему сидели в «Старухе в блеске». Фрол к Новому году закупил старые гирлянды, которые кстати говоря неплохо смотрелись над входом (учитывая, что провода перегорели на второй день). Я всегда любил этого усатого еврея, который то и дело поворачивал афёры, которые якобы приносили ему пользу и доход. На самом деле в нем всегда было столько энтузиазма, что любой молодой предприниматель украл бы его душу. Хотя здесь у меня возникают сомнения, ведь Фрол мог бы и сам продать этот ценный ресурс за деньги.

Илларион поедал свой брусничный пирог, а я ломал голову, как он не толстеет. Лари всё время заказывал либо омлет, либо эту выпечку, которая непонятно откуда появлялась на кухне бара. Иной раз я удивлялся, почему «Старуха в блеске» не могла закрыться, ведь кроме меня, моего товарища и бездомного Стаса никто не заходил чаще, чем раз в месяц. Наконец Лари оторвал меня от раздумий.

– Ролан, ты знаешь свои корни?

– Конечно, – ответил я. – Смотри – уже к стулу прирос.

– Я имею в виду, где жили твои предки.

– Братишка, мы с тобой неделю как тусуемся, а ты все ещё не понял, когда я серьёзен.

– А ты все ещё не понял, что такое «шутка», – сказал Илларион.

– О как! – я поднял полупустой стакан. – Ребята! Этот бокал... стакан, мать его, я хочу осушить под особенный тост, который сейчас озвучит мой лучший друг, Илларион всезнающий! Малыш просто не любит пригубить, поэтому я буду пить вместо него.

Лари посмотрел под стол, а потом улыбнулся и повернулся к людям в баре. Фрол прекратил полировать стаканы. Все почему-то замолчали, и это был единственный случай на моей памяти, когда в «Старухе» замолчал даже Толстый Тим, который иной раз просто скулил, лишь бы не оставаться в тишине и спокойствии.

– Братья и сёстры, что для вас есть дружба? – начал он. Лари, похоже, позабыл, что я подшутил над ним и попытался поставить его в неловкое положение. Я не знал, что для него не случалось таких ситуаций.

– Дружба – это когда все за твой счёт! – сказал бездомный Стас. Зал зашумел, но Илларион прервал смех людей.

– Дружба, Стас, это когда все за мой счёт, согласен. Это когда все за наш общий счёт, за которым следит сам Господь. И счёту этому нет конца, точно так же, как бесконечна сама дружба. Но я не об этом сейчас, друзья. Мой друг... Наверное, так я могу тебя называть, Ролан, мой друг коснулся интересного вопроса по поводу своей родословной, и я считаю, что мы, как самые настоящие друзья, должны поделиться друг с другом гордой историей своих предков. Ведь нас может связывать происхождение. Вы можете годами сидеть друг напротив друга, не зная, что, возможно, ваши деды или прадеды работали в одном поле или пропивали зарплату в одном заведении по вечерам. Мы сидим здесь не только ради пива и водки, которые лишь отравляют разум – это скорее предлог собраться всем вместе, такой суровый сибирский повод дружить. Мы тут в первую очередь, чтобы сплочаться и формировать новое общество.

– Ролан, ах ты врунишка, – сказал мужик у окна. Позже я узнал, что его зовут Федя, и что у него сыновья близнецы. – Ты сказал, что этот парень не пьёт, но он синий, как мой гараж!

Я лишь развел руками.

– А знаете что, а я хочу выпить за этого парня! Я хоть и проснулся на середине его слов, но дышать тяжело стало. Давайте запьем горькие мысли, – сказал толстый Тим, у которого вечно чем-то был измазан подбородок. Мне иногда казалось, что его воспитывали дикие животные.

– Тимофе-е-ей, – на толстяка надвигался другой здоровый мужик в чёрной бандане.

Я не знаю его имени, но все постоянно называли его Ханом. Так вот он первый чёкнулся с Тимом, после чего пошел делать это с другими бородатыми людьми в баре.

«Старуха в блеске» оживилась, и, похоже, на самом деле была в блеске золотых зубов и цепей, когда народ оживлённо упивался свежеиспеченной речью Иллариона. Парень же втихую продолжил доедать брусничный пирог.

– Ты там точно ничего не принимаешь, а? – спросил я.

– Ты о чём?

– Лари, ты странный человек.

Он пожал плечами, указав пальцем на мой лоб.

– Ты чего?

– Все рамки в голове.

– Какие рамки...

– Ролан, ты когда-нибудь влюблялся?

– Да, по пять раз за день, было время.

– Да я не об этом. Ты когда-нибудь ВЛЮБЛЯЛСЯ?

Я подумал и ответил честно.

– Нет, Лари, я не влюблялся.

– Сам себе веришь?

– Верю. Мы же сейчас про влюбленность, – сказал я.

– Почему? Я спросил про любовь.

– А-а-а, всё-таки ты хочешь поговорить про любовь, малец. Ну, тогда так и говори.

– Ролан, ты о чем?

– Да о том, Лари. Ты спросил, влюблялся ли я, но не спросил, любил ли я.

– Хорошо. «Любил ли» ты?

– Любил.

Илларион замолчал. Он просидел так с полминуты.

– И как?

– Что «как»?

– Ты чувствовал рамки в голове в тот момент?

– А кто сказал, что я больше не люблю?

– Твоё настоящее состояние, – сказал Илларион. Я и забыл, каким честным он был с людьми.

Я отвлекся и забыл, о чем мы вели разговор, ведь случайно посмотрел на лестницу, по которой спускался ангел. Я не мог поверить, что это случилось так скоро. Меня одолело такое волнение, какое обычно испытывают перед выходом на сцену в третьем классе. Я успокоил колени и по-хорошему разглядел девушку, идущую навстречу. Черноволосая горничная зашла за барную стойку и протиснулась между столом и Фролом, прошмыгнув у меня перед самым носом. Я не помню деталей всей моей жизни, да чего уж там, – я забыл две трети своей тогдашней жизни из-за алкоголизма, – но мускус, который доносился от длинных локонов, я помню, как будто она и сейчас стоит в миллиметре от меня.

– Вот, молодец, именно так и должен выглядеть по-настоящему влюбленный человек, – сказал Илларион.

– Лари, ты что-то сейчас говорил?

– Ну, мы тут с тобой долго беседуем, знаешь ли.

– А мне кажется, что всего миг...

– Ролан, ты куда уставился?

В разговор неожиданно вмешался Фрол.

– Ты, что парень, да он сейчас в астрале, – сказал хозяин бара.

– С чего вдруг? – ответил Лари.

– Смотри, – усатый мужчина указал на горничную, что меняла тряпки на кухне. Они смотрели на неё через проем в стене, ведущий в жаркое помещение, наполненное паром и брусничными пирогами. Казалось бы, весь бар в тот момент смотрел на неё, но лучше всего это получалось у меня. Наверное, от того она смотрела в ответ. Мы нашли точку соприкосновения, где стремились удержать друг друга, но у меня её увели треклятые тряпки, свалившиеся на пол. Дымка в баре пропала, как только она наклонилась, а когда выпрямилась, в ней уже не было огня. Она просто вышла обратно в зал. «Просто» в данном случае означает, что я перестал быть интересен её душе (так мне показалось). Черноволосая девушка оставила за собой новый поток мускуса, учуяв который, я хотел взять след, придя в один момент в тёплые желанные объятия.

– Ролан, ты чего? – это уже какой раз за день? Пятый? – сказал Лари, и я удивился его новоприобретенному сарказму.

– Отстань, дурочёк маленький. Ты даже разницы не видишь между любовью и дешевой подделкой.

– Просто ты так смотришь на эту девушку, будто она тебе задолжала.

Всё вернулось на круги своя, как только я убедился, что Лари не шутит (что и свойственно этому «святому духу»). Он вновь стал для меня тем славным парнем не от мира сего, что читает проповедь толстым мужикам в баре третьего сорта.

– Нет, это я ей задолжал, – ответил я.

Задолжал признание.

Мы сидели ещё час, и все это время Лари что-то рассказывал. Наверно, он хотел донести до меня, что высшая цель человека – благодетель, или что есть бутерброды колбасой вниз – это нормально. Теперь я могу лишь догадываться, чего он хотел от меня. И я не думаю, что обязан перед ним, потому что имел полное право не слушать. Я бы считался дураком, если бы слушал философию Лари, потому что в тот момент думал об официантке, которая все это время металась по бару. Она то возвращалась в зал, то убегала на кухню, то вовсе выходила на улицу. Я каждый раз хотел подойти к ней и сказать: «Привет, позволь угостить тебя брусничным пирогом после смены». И каждый раз получал ответ: «его никто не любит, потому что Фрол не умеет печь. Да и вообще, мой молодой человек не любит, когда я флиртую с незнакомцами». Печальная ситуация, когда ты сдаешься, не попробовав. Вроде, нет никаких преград. Все рамки в голове, как говорит Лари, однако подойти к девушке и признаться, что у неё красивые ноги, оказывается трудно. Настолько, что проще сказать Фролу про его «красивые ноги».

Наступил критический момент: она подошла к нам, чтобы протереть стол, где мы всё ещё праздновали прекрасный тост Иллариона. Вытирая спирт со стойки, девушка как будто прижималась ко мне, и я чувствовал её тепло, мне казалось, что она находится в моих объятиях, от чего она больше не выглядела незнакомкой. С новой близостью появилось новое чувство. Что-то вроде доверия закралось в душу, когда официантка позволила приблизиться. Знаете, как бывает в любовных историях – мужчина не хочет наброситься на женщину ради секса, если начинает чувствовать, что влюбляется в нее. Как бы начинает оберегать её от безумной похоти, негласно становясь её мужем. Я ни за что бы не сыграл свадьбы ни с одной женщиной на Земле, но все же считаю, что при истинной любви хочется взять свою пассивку в жёны. Я надеюсь, что суть ясна. Понятно, какого я о себе мнения. Надеюсь, что я не вру сам себе.

Вот черноволосая буря покинула нас, но я все ещё был охвачен ей. Терпеть не могу волнение, но очень тепло вспоминаю эту историю. Я смотрел на её фигуру, и она была совершенной. Внутри кто-то сказал знакомым голосом: «Посмотри на её талию, ноги, грудь и шею – она идеальна. Именно она снилась тебе». А я ответил этому извращенцу: «Может ты и прав, но мне важнее, что глаза у неё ангельские, что нос такой аккуратный, а губы требуют страсти». Это я таким образом побеждал извращенца внутри себя, становясь искренним романтиком. Меня

начинает волновать, что все это время Лари для меня забылся, «как с белых яблонь дым». Виновник сей истории, будто бы перестал быть таковым, и в этом моя вина. Хотя, если быть точнее, виновата официантка, которая так уверенно сняла корону с головы Иллариона. А я позволил этому случиться, и, хочу предупредить, что порой буду такое позволять себе.

Я так ничего и не сказал официантке – только паялся, как придурок. И мне до сих пор стыдно перед ней, ведь она не избегала моих странных детских взглядов. Мы собрались уходить, и тут Лари перестал быть тёмным пятном в памяти.

– Ты сегодня слишком трезвый, – сказал он.

– Не бери в голову, – ответил я.

Мы вышли на улицу, и забыли заплатить, поэтому следующим вечером Фрол встретил нас с ружьем на пороге. Если бы не Лари, то я, возможно, уже был бы мёртв. Но сейчас не об этом: к чему говорить о нелепых случаях, когда жизнь полна романтики и авантур?

– Почему ты не заговорил с ней? – спросил Илларион, когда мы встали под свет фонаря.

– С кем?

– С той девушкой. Она этого хотела.

– Ты так считаешь? – я говорил и скрывал эмоции (по крайней мере, мне так казалось).

– Да она практически сказала об этом.

– Это как?

– Знаешь, иногда за человека говорят его глаза. Особенно у девушек.

– Посмотрите – Илларион говорит о девушках. Это так мило. Я бы хотел, чтобы ты был прав, Лари, честно, но ты такой хороший парень, что это скорее всего дружеская поддержка, которую ты скорее всего не осознаешь сам.

– Ролан, я никогда не утешаю других. Я слишком мал для этого. Я серьёзно считаю, что тебе нужно поговорить с ней и признаться в чувствах.

– В каких чувствах, малец? Даже если бы они и были, нельзя бросать женщине факты в лоб – она миглом перевернет их, исковеркает и, что самое страшное, заставит тебя поверить в её новую правду.

– Здесь я не могу согласиться.

– Я ещё раз говорю, это так не работает, Лари.

– Если девушка неискренна, и если она хочет просто поиграть с тобой, то ей будет не до признаний. Но когда мы затрагиваем настоящую любовь, там все гораздо проще...

– У меня везде все предельно просто: забить и жить сегодняшним днём. Пустая башка, если ты понимаешь, о чем я.

– Терпеть таких не могу. Извини, конечно, но все мы грешим в чем-то.

– Я тоже таких ненавижу, Лари.

– Ты ненавидишь самого себя?

– Наверное.

– Это и отпугивает девушек.

Мы подошли к переулку с мусорным контейнером и остановились в тени.

– Был рад тебя увидеть, малец.

– До встречи, – сказал Лари, который взмахнул своими приторными локонами. Он растворился в крошечной тьме и где-то там хлопнул тяжёлой дверью.

Я вернулся на то место, где не так давно встретил Султана с прихвостнями. Я не хотел вновь оказаться на земле, но предчувствие вело меня к «Старухе».

Немного погодя она вышла из бара в коротком пальто. Из-под него виднелась чёрная юбка и те самые красивые ноги, которых я постеснялся. Она только окинула меня взглядом – верно приняла за силуэт в воображении. Я всерьёз задумался, нужно ли идти вслед за ней,

потому что был невероятно глуп. Час ночи. Девушка идёт по улице. За ней идёт мужчина. Ничего не напоминает? Нет, я не имел права на экстремальные знакомства. Раздался громкий лай, а вслед за ним тоненький визг, что донесся до меня по ветру. Я выглянул за угол, где стоял мусорный контейнер Лари: какая-то тёмная фигура застыла в тени бесшумной ночи. С той же стороны гавкал бездомный пёс, которого мне удалось разглядеть гораздо лучше. Я тут же сообразил, что это та самая официантка не может пошевелиться в оцепенении при виде обиженной жизнью дворняги с подранным ухом и желтыми адскими глазами.

– Р-р-р!

Девушка позабыла о псе, махом отскочила к нему, лишь бы отстраниться от моего рычания как можно дальше. А ведь это я ещё старался заигрывать... Пёс быстро понял, кто в перелуке хозяин, и начал сдавать позиции, да так, что я слышал, как скребут о бордюр его неухоженные больные когти – видно, почувствовал перегар, угрожающий интоксикацией в большом радиусе.

– Всё в порядке? – спросил я, стоя прямо под фонарем, словно главный герой «Гамлета».

– Очень страшно, – ответила она.

– Не бойтесь меня.

– Я и не боюсь. Мне страшно, что она может вернуться. И не одна.

– Но ведь и вы сейчас не одна.

– Вы просто идёте мимо, и через пару секунд я буду одна.

Я знал, что женщины любят драматизировать, но всегда не мог этого ожидать.

– Девушка, я думаю, что вам нельзя идти домой в одиночку. Тем более я «шёл мимо», а значит, нам по пути.

– Да, вы правы, – она держалась за края пальто, как бы прикрывая себя, укутывая все глубже. – Одной мне идти страшнее, чем с вами: похоже, придётся выбирать меньшее из зол.

– Не могу осуждать вашу осторожность...

– Пойдём скорее, – сказала она. – Я начинаю замерзать, стоя на месте.

Мы шли с десятков минут, и все это время я думал о ней, но не в том плане, в котором сейчас меня представили люди, у которых давно не было любви. Я с каждым шагом предавался сомнениям все больше и больше. Наконец, я отчётливо стал ощущать не состыковку ценностей, и тут же в меня вонзилась неожиданная боль. Я попал в самый настоящий капкан, потому что официантка мягко говоря не одобряла режиссерское ремесло, обвешивая его ярлыками бедности в плане финансов. Кстати говоря, я совсем забыл представиться, рассказывая про занятия всех своих знакомых. Я на тот момент ставил драматические постановки в единственном официальном нунтисовском театре. Вот, собственно, пазл и начал складываться воедино, не так ли?

Иногда так бывает: люди встречаются, что-то осознают – и в итоге живут всю жизнь вместе. Кто-то страдает, а кто-то нет. И зависит это, как по мне, от простого правила. Я называю его правилом «дверей», и слышал его где-то, но не скажу где. Мысль в свою очередь такова: если, входя в дверь, ты чувствуешь её неровности, углы и рамки, то это явно дверь не для тебя. Сущая на первый взгляд мелочь в этом дверном проёме потом не будет тебе давать покоя ночью, ведь ты то и дело будешь цепляться за косяки, биться головой или слушать скрип. Я в тот момент подумал про это высказывание, потому что чувства были, но были и «косяки». Это я описываю не наше взаимодействие с этой девушкой с красивыми ногами, если что. Я говорю про свою интуицию. Да и вообще, уже далековато стал уходить в глубь леса.

Мы шли по тротуару самой прекрасной улицы Нунтиса. Широкий перекрёсток с супермаркетом на одной стороне, жилой дом екатерининской эпохи на другой, а главная достопримечательность – наш бар. В общем, козырное место для жителей муравейника, что стоял на углу с обвалившейся штукатуркой. Хотел бы я жить в той квартире, чей балкон выходил прямоком на перекрёсток, ведь от туда целый город был как на ладони. Живи я там, меня бы в своё

время не отпинала банда Султана, ведь я бы чаще возвращался домой – идти-то тут максимум полкилометра. Хотя, я думаю, жители не знали, что там есть бар, потому что со стороны перекрестка виднелась обратная сторона «Старухи в блеске», точнее светлая сторона в виде ресторана «Пушкинское перо». Да, вот такая у нас в городе двоякая жизнь: с первого взгляда тут кругом заведение с дорогим сервисом на столах и блюдами по цене дневной выручки «Старухи», а чуть погода открывается новое видение города – его тёмные делишки в местах куда более кровавых. Впрочем, я вновь ухожу глубоко в лес.

Мы подошли к пешеходному переходу, и она повернулась ко мне, а я увидел её блестящие и одновременно дрожащие очи.

– Я живу с обратной стороны вот этого дома – думаю, что дальше мне не потребуется твоё сопровождение. И да, спасибо. Меня зовут Роза, если что.

Я почувствовал, как что-то вырывается наружу, как река внутри меня стремится сорваться с обрыва, превратившись в водопад, ведущий в бездну. Нужно было заговорить. Или, по крайней мере, сказать, что она мне нравится.

– А я Ролан. Ну, я тогда пойду...

– Стой! Пока не загорелся зелёный... Я должна кое в чём признаться.

«Вот он – мой шанс! – подумал высушенный мозг – После её признания я тоже все скажу».

– Ты очень сильно нравишься Софье, – сказала она.

– Кто такая? – спросил я.

Она вскинула руками, а на лице у неё было написано «все вы, мужики, одинаковые». Она сделала этот жест и побежала через дорогу. Я лишь смотрел ей вслед, и, как только отвернулся, послышался громкий свист. Мне пришлось оторваться от раздумий, в которые я впал, пожалуй, впервые за год.

– Она работает в дневную смену! – сказала она. Эту фразу было едва слышно, ведь нас разделяла дорога не очень-то бесшумных автомобилей.

Далее я помню, как она помахала мне рукой и, утонув в пальто, убежала за высокий ободранный дом. Вот такая «love story».

Глава 3

Спустя два дня я нашёл в себе силы прийти в бар к трём часам. До конца рабочего дня этой самой Софьи оставался час, если не меньше. Я почему-то не мог выбросить её из головы с того момента, как мы распрощались с Розой, про которую я, кстати говоря, также не мог прекратить думать (она мне понравилась, но как сестра что ли). Я зашёл в зал, и тысяча косых взглядов пала на меня, и рой стрел вонзился в мою душу – это всё Фрол, по-прежнему недовольный нашей «бесплатной» посиделкой двумя днями ранее.

– Ну что, Ролан, чем порадуешь?

– В каком смысле?

Фрол ткнул пальцем в людный зал. Там собралась огромная толпа, будто наступила Пасха, Рождество или Новый год. Я не понимал, что происходит до тех пор, пока не разглядел знакомые длинные волосы. В тот день в баре было много женщин, и все они держали в руках полные бокалы вина. Я даже вспомнил винный запах, который встретил меня у самой двери «Старухи».

– Что он делает? – спросил я.

– Угощает граждан вином, – сказал Фрол. – А ты так умеешь?

– Старик, мы же всё оплатили вчера. Ещё и чаевые оставили. Ты его хочешь просто ободрать!

– Да с чего вдруг?! Он сам сюда зашёл, а я просто нахмурился в знак остывающей обиды. Парень в ответ сам предложил как-то загладить вину.

– Спустить все деньги на вино?

– Жаль, что не на пиво – вино-то ещё могло стоять до лучших времен.

– Фрол, я такого отношения не забуду.

Усатый морж тут же подавился собственным смехом, после чего поднял бокал и выпил «за моё здоровье». Я решил, что больше не могу терпеть его рожи, и направился вглубь толпы, которая была настолько большой, что люди сидели на табуретах потрое, а большинство вовсе толкались в проходах, если не залазили на подоконники. Среди этого винного безумия из стороны в сторону метался Илларион с бутылкой полусладкого красного «Мерло». Он беспрестанно наполнял бокалы ликующей толпы, а одной бутылки хватало разве что секунд на десять. Мне пришлось перекидывать всю ораву.

– Лари! Лари!

Он, наконец, заметил меня.

– Ролан, привет. Ты тоже хочешь вина?

– Да нет, братишка. Я хочу знать, чего ты сюда завалился в середине дня и стал всех угощать.

– Я не хотел, чтобы Фрол обижался на нас после того, как мы не заплатили.

– Лари, этот эгоистичный дед в любом случае будет недовольным старым жиртрестом.

– А ты спроси у него, – ответил Лари, – доволен ли он?

Илларион, как всегда, улыбнулся и налил «Мерло» какому-то тощему очкарику. Следом жестяной стакан протянул толстый Тим (какого дьявола ты припёрся днём, Тимофей), а за ним последовала кружка одного маленького и до боли знакомого человека. Внезапно меня озарило, и я как ошпаренный отскочил от Лари. В нескольких метрах стоял Султан, а чуть дальше Гарегин и Мариус, отвечающие друг другу оплеухи (видно, для меня репетировали). Я скрылся возле барной стойки, и, похоже, мои «лучшие» друзья в приступе винной эйфории не почувствовали моего присутствия.

– Фрол, дружище, не подскажешь, на смене ли сейчас официантка по имени Софья?

– Да, вон там, с подносом, – он направил указательный палец прямо на прихвостней Самсона.

Мне пришлось ещё раз уставиться на двух коротко стриженных амбалов с пустыми стаканами в руках. Вот они куда-то поставили кружки, а затем взяли уже полные. Они были единственными, кто пил за свой счёт. Даже Султан променял «Четыре света» на «Мерло».

Поднос, очевидно, нес не сам себя, и главным для меня было разглядеть ту самую Софью, что скрывалась за массивными плечами сорокалетних посетителей бара. Я видел лишь тоненькую ручку, держащую поднос, и Лари, который улыбался ей, словно они успели познакомиться раньше меня. Но я не видел её лица (или фигуры, что было гораздо важнее). В тот момент у меня созрело чувство, будто она так и не выйдет из толпы, и я не смогу взглянуть на девушку, которой безумно понравился. В какой-то момент я подумал, что она испарится в воздухе, лишь бы остаться незамеченной мною. Так почти и случилось, только увел её у меня не дверной проем, а этот уса́тый и противный Султан, которого я ненавидел за все, кроме боли, которую он мог мне доставить. Однако в тот момент он причинял не такую уж и приятную боль, потому что ему что-то не понравилось в работе Софьи. Он схватил её за руку, подтащил к себе и скрылся в толпе, а я так и не смог разглядеть её лица. Это начинало походить на кошмарный сон, хотя подумал я об этом, как только ступил на порог «Старухи в блеске».

– Фрол, ты посмотри, что творят посетители! Прикладывают руки к официантке!

– Где, суки!?

– Ну, вон там, в толпе!

Я указал на разборки Самсона, и Фрол потянулся за ружьём. Этот жирдяй дошёл своим медленным ленивым взглядом до усатого нерусского бандита, что замахивался на невинную девушку. И вдруг вся его смелость куда-то испарилась, словно он забыл, что собирался напизговать Султана четырехсот десятым калибром (я-то уж точно собирался).

– Ролан, ну что ты сказки выдумываешь? Никто никого не трогает.

– Ты сдурел!? – я почти перелез через барную стойку. – Он её сейчас придушит, начальник хренов!

– Гы! Начальник хренов! Классно ты сказал свою двоякую шутку, – эта скотина умудрилась расхохотаться в то время, как его персонал унижали на людях.

– Фрол, ты мудака, да ещё и редкостный.

– Слушай парень, я проблем не хочу, понял? Султанчик в своих кругах хорошо известен – мне потом заведение сожгут. Тебе надо – ты и заступайся за кого хочешь, а мне работать не мешай, хоккей? Я в такие игры играть не готов.

– Пошёл ты, – сказал я.

Не было предела моей злости, потому что иначе мне бы не удалось ворваться в толпу и налететь на Султана первым. Я не хотел нарываться, но и беспомощная тоненькая официантка вроде бы не собиралась обижать его. Я схватил низкого нерусского грубияна за рукав и отдернул его мохнатые руки от Софьи. Он нырнул вперёд, почти клюнул носом в пол, потому что еле держался на ногах.

– Ч-чт-что? Каво мать... какого... – далее разобрать его бред не получилось.

– Отстань от неё! – сказал я.

Мне уже прилетело ладонью в затылок от кого-то из амбалов. Я потерял равновесие, но не упал, потому что меня тут же схватили. Оставаясь в этом положении, пришлось наблюдать, как Султан подошёл и снова схватил Софью за шиворот. Я, наконец, увидел её лицо, но представлял его совсем другим, без ссадин и синяков. Они ни капельки не шли её маленькому аккуратному лицу с тонким носом. Тёмные круги под большими глазами было едва видно, но вместе с тем они были шикарны. Я сразу же полюбил её взгляд, и одновременно возненавидел Султана с новой силой, ведь он посмел прикоснуться к такому прекрасному существу как Софи. Она была нежной с ног до головы, даже, когда треклятый хач держал её на весу

(только и мог поднимать девушек втрое легче себя). Каждая конечность представлялась мной, как произведение искусства, с которым я хотел познакомиться ближе. Ах, Софи, она умудрялась манить даже в разгар сражения, и слава Богу, это случилось не на каком-нибудь фронте, потому что при виде такой девушки мог бы упасть самолёт или подорваться на mine танк. Вот только, какого чёрта за неё никто не заступился? Какого лешего Султан смог поднять на неё руку? Ведь её тёмные кудри и большие открытые глаза не могли заставить подумать о чем-то грубом.

– Чего молчишь!? Мало было по роже заехать? Ты, что, разговаривать, сука, не умеешь? Погоди у меня!

Она держала его за руки до последнего, пока он не швырнул бедную на пол. После этого Султан подошёл ко мне.

– Орландо, ты что такой грустный? Не пьёшь вино сегодня? Вино хороший!

Султан шёл свободно, потому что все вокруг забились в углы или вовсе разбежались. Разумеется, страх в глазах людей придавал ему силы. Только запахло жареным, и для всех вечеринка тут же закончилась, если не считать Гарика с Мариусом. Один из них схватил мои драгоценные волосы, а второй пнул коленом под ребро. Отбил почки в несколько касаний. Я не был удивлён, что все стоят, и не ждал, что кто-то захочет вступить. Я напротив хотел, чтобы все оставались на своих местах и позволили мне вновь почувствовать себя живым. Но вот Софии помочь были обязаны... На кону была моя вера в людей.

– Парни, эй! Я сам хочу его ломать! – сказал Султан перед замахом. Как же долго летел его кулак. Я за это время успел бы открыть глаза и перестать бояться, но удара так и не последовало. Я, наконец, решился открыть глаза и увидел перед собой знакомую руку, дрожащую и держащую кулак Султана.

– Держи своё оружие при себе, друг, – сказал Лари.

– Ты кто? Ты вино разливал, к тебе вопроса нет! Отпусти, я тебе не друг! Но и не враг.

Султан, почувствовав что-то неладное со своим запястьем, посмотрел вверх, чтобы в очередной раз взмолиться.

– Дундуки, чего стоим! – сказал он, когда Лари заломил его руку ещё сильнее.

Мою голову и плечи отпустили, и я оказался на четвереньках. Мне хотелось тут же соскочить с места и ворваться в конфликт между Илларионом и двумя здоровыми амбалами, но что-то потянуло меня вниз. Я пришёл в себя спустя пару секунд; к этому времени Лари слегка коснулся горла Гарегина, и тот отошёл в угол, поправляя воротник или, быть может, пытаясь вспомнить, как дышать. Я посмотрел на своего спасителя – он выглядел не очень-то святым, а скорее разъяренным волком с ужасным оскалом. Я не так долго был знаком с этим парнем, но сразу было понятно, что такой как Илларион не обидит и мухи. Оказалось, что Лари не соответствовал моим ожиданиям. Да и к чёрту, потому что меня бы просто в очередной раз запинали на потеху публике.

Илларион стоял и смотрел на Мариуса, который застыл, словно озеро в декабре. Они уставились друг на друга, а амбал запыхался от одного только гнева. Я полностью восстановился и с желанием помочь своему лучшему другу врезался кулаком в твёрдый мясистый бок громилы в майке. Мариус ответил пощечиной, которая отодвинула меня в сторону (обычная такая пощёчина двухметрового любителя пива). Лари тут же встал передо мной.

– Иди ещё вина налей, – сказал Мариус.

– Оставь нас в покое, не мы начали это насилие, – сказал Илларион.

Я знал, к чему приводят разговоры с Султаном и его шайкой. Хорошо понял это, лёжа возле стенки. Оставался последний шанс защитить Софью, Лари... Да и себя уничтожить не хотелось. Я представлял, как Мариус ломает Лари ноги, а Султан плюет мне в лицо, держа хрупкую официантку за чёрные кудри перед всеми людьми в баре. Их, кстати, было полно, словно в заре выступала музыкальная труппа, а не избивали посетителей. Наконец, я выта-

щил из-за спины Иллариона стул, который полетел в Мариуса. Амбал сумел от него отско-
чить, но расчёт и был на то, чтобы попасть в Султана, который снова приблизился к Софье.
Его рукав с треском разошелся, когда стул коснулся плеча. Вы когда-нибудь смотрели в глаза
разъяренному азербайджанцу с манией величия? Так вот, в тот день мне выпала счастливая
возможность.

– Рол-л-лн, твью, м-м-мать, – Султана уже давно победил алкоголь, так что он мог разве
что забрасывать нас невнятными речами.

Куда серьезнее дело обстояло с Мариусом, который был не намерен отпускать нас
с миром. Здоровяк обратился к Гарику, всё ещё стоящему у стены, а затем направился к нам.
Я схватил Лари за плечо, и мы попятились назад. Когда моя спина уперлась в барную стойку,
оставалось только выждать момент и совершить пакость, раскрыть которую, скорее всего, уда-
лось всем вопиющим посетителям (в отличие от Мариуса). Вот рыжая голова оказалась возле
Лари, и я схватил бутылку прекрасного душистого «Мерло», после чего тут же угостил вред-
ного бугая, ведь он рисковал уйти домой, так и не попробовав красное полусладкое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.